

¹ Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева
ул. Лебедевой, 89, Красноярск, 660049, Россия
E-mail: vdovin2002@mail.ru

² Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Акад. Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: kolontsov@archaeology.nsc.ru

«ПОЛИЦЕЙСКАЯ» АРХЕОЛОГИЯ (НА СИБИРСКИХ МАТЕРИАЛАХ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА)

Роль МВД в Российской империи не ограничивалась лишь надзорными функциями. Полицейские чиновники внесли свой вклад не только в пополнения фондов музеев, сохранив для науки многие археологические коллекции, но и провели значительную работу по выявлению археологических памятников. Данные, полученные в ходе описания археологических объектов (многие из них до сих пор не введены в научный оборот), могут быть использованы как важный источник для составления археологических карт отдельных регионов и выявления археологических памятников.

Ключевые слова: Министерство внутренних дел, циркуляры об охране древностей, Императорская археологическая комиссия, охрана археологического наследия, сибирские древности.

В связи с существенными изменениями в последние годы законодательства России в области охраны памятников истории и культуры и формированием совершенно иной системы государственной охраны археологического наследия, на наш взгляд, является актуальным изучение деятельности МВД Российской империи по охране древностей и разработки законодательных актов, регулирующих научные археологические исследования.

Целью статьи является освещение деятельности МВД Российской империи по охране археологического наследия в Сибири и участия в выполнении распоряжений Императорской археологической комиссии (ИАК) в условиях формирования системы охраны археологических памятников во второй половине XIX – начале XX в.

Начиная с XVIII в., российская государственная власть заботилась о сохранении древних памятников. В этой работе правительство делало ставку на Министерство внутренних дел, которому и вверялась

функция надзора, для чего создавалось законодательное и финансовое обеспечение такой охраны. С самого начала деятельности Императорская археологическая комиссия предполагала привлекать местную администрацию и частных лиц к выявлению археологических памятников. В 1862 г. председатель ИАК С. Г. Строгонов обратился в МВД с предложением «пригласить к участию в собирании этих сведений губернские и областные статистические комитеты» [Бердинских, 1992. С. 222]. Ответом на это предложение явился циркуляр министерства по Центральному статистическому комитету 1863 г. за № 63 «О доставлении сведений о памятниках древностей Российских, к отечественной истории и жизни народов относящихся», в котором рекомендовалось «ограничиться собиранием необходимейших материалов для археологических карт, посредством нанесения на губернские и областные карты пунктов, замечательных в археологическом отношении, как то: курганов, городищ, древних земляных валов, город-

ских укреплений, старинных церквей и строений, надгробных камней, мест на которых найдены древние монеты или вещи и т. п.» и предписывал «пригласить членов его, особенно имеющих постоянное пребывание в уездах, производить в известность, по мере возможности, наличие в губернии памятников древности, и сведения об этом доставлять через Комитет в Императорскую Археологическую Комиссию» [Древности, 1886]. Даже планировалось создание археологических отделений при этих комитетах, кое-где они были созданы [Бердинских, 1992. С. 224].

Еще один документ «О доставлении Министерству сведений о древних зданиях и вообще о находимых древностях» был разослан в 1865 г. В 1866 г. был издан циркуляр МВД, запрещающий разрушение памятников и кладоискательство на казенных и государственных землях, в 1867 г. появился циркуляр о порядке действий при обнаружении древностей в процессе строительных работ. В 1869 г. через «Губернские ведомости» было распространено сообщение о доставлении древностей в ИАК, за соответствующее вознаграждение. Найденные древности могут быть доставлены или непосредственно в ИАК, на имя председателя графа С. Г. Строгонова, или через местные статистические комитеты, с которыми она, по соглашению с МВД, находится в сношениях по этому вопросу¹. А в 1882 г. МВД разо-

слало циркуляр «О предоставлении археологических находок местной полицейской власти для представления их в ИАК через губернское начальство» [Разгон, 1957. С. 90]. Результаты действия этого циркуляра были отражены на страницах «Восточного обозрения» за 1883 г., где были опубликованы заметки, посвященные самовластию местных чиновников по отношению к археологическим памятникам. «Доселе администраторы, любители науки прибегали к посредству местной полиции, причем исправники копали, где хотели, действовали с плеча, доставали орудия и вещи неизвестно откуда, могилы разрывались, расхищались и бросались. Такая “полицейская археология” скорее вредила всем последующим ученым работам, а показания и описания, проникнутые невежеством, не заслуживали никакого доверия». К этим «раскопкам» привлекали арестантов [Дэвлет, 1963].

Императорское Московское археологическое общество (ИМАО) также неоднократно обращалось в статистический комитет за сведениями об археологических памятниках на территории сибирских губерний. ИМАО обращается с письмом к енисейскому губернатору в 1888 г.: «...желая, получить более полное и верное понятие о численности и распределении доисторических древностей России, пришло к заключению о необходимости составления и издания археологической карты губерний с нанесением на эти карты имеющихся в губернии курганов, городищ, древних могил, валов, засек, а также мест находок кладов, древних монет, каменных или медных изделий и т. п.

Вполне сознавая, что для составления таких карт необходимо иметь, прежде всего, возможно большее число сведений из первых рук, т. е. от местных жителей, ИМАО имеет честь обратиться к Вашему превосходительству с покорнейшей просьбой об оказании ему в этом отношении содействия на вверенной управлению Вашему губернии, рассылкою прилагаемых при сем вопросных пунктов, подведомственным Вам учреждениям и лицам при соответственном отношении и с предложением доставить Вам ответы по возможности не позднее 3-х месяцев.

¹ № 123. 1866 г. Ноября 4.

Циркуляр министра внутренних дел по департаменту общих дел.

О доставлении Министерству сведений о древних зданиях и вообще о находимых древностях

По сведениям, дошедшим до императорской Археологической комиссии, оказывается, что некоторые лица, получая от местных начальств дозволения отыскивать клады, под этим предлогом раскапывают курганы и городища и таким образом портят и уничтожают достойные внимания памятники древности. Вследствие сего председатель помянутой Комиссии генерал-адъютант граф Строганов просит меня сообщить губернаторам, чтобы они, согласно ст. 430 т. X, ч. 1 Свода Законов гражданских и ст. 40 и 181 Устава строительного, ни под каким видом не допускали кладоискательств и неизбежного от того разрушения памятников древности. Имею честь уведомить о вышеизложенном ваше превосходительство для руководства, присовокупляя, что на основании 1311 ст. т. I, ч. 2 Свода Законов по прод. 1863 г., сведения о древних зданиях и вообще о находимых древностях должны быть доставляемы в Министерство внутренних дел, по департаменту общих дел. Сборник циркуляров

и инструкций Министерства внутренних дел за 1865 и 1866 годы. СПб., 1873. С. 432.

Доставкой собранных таким образом сведений, Вы окажите большое содействие Обществу, которому они послужат материалом для указанной выше цели. Председатель Графиня Уварова»².

На страницах газеты «Восточное обозрение» даже высмеивались полицейские «археологические исследования»: «Каменный век было поручено открыть Т-скому исправнику. В два-три месяца он, оказываясь, обшарив весь округ, сделав обыск всех крестьян, прислал целый ящик каменных топоров, пестов... Каменные орудия среди присланных всевозможных камней были, несомненно, вот беда, ни на одном не было указано, где они были добыты. Так это и осталось тайной исправника» [Сунчугашев, Янгулова, 1974. С. 55].

Несмотря на критику деятельности МВД в области охраны древностей, его роль не ограничивалось только надзорными функциями. Так, Министерство юстиции и МВД совместно с Императорской археологической комиссией рассматривали вопросы включения в российское законодательство специальных статей, предусматривающих уголовное наказание за разрушение памятников старины.

Однако решение вопроса о законе по охране памятников древности затянулось в России на целое столетие. Нередко на страницах «Журнала Министерства внутренних дел» появлялись сообщения и о сибирских археологических памятниках [Формозов, 1995; Григорьев, 1846; Археологические поиски..., 1847].

Это объяснялось тем, что в Сибири уже с XVII столетия самовольные раскопки курганов превратились в своеобразное предпринимательство, когда ватаги «гуляющих» людей каждое лето отправлялись в степи раскапывать могильные «бугры».

Губернская администрация, как видно из документов, направила письма всем тем, кто в тот период мог дать информацию по этому вопросу: И. Т. Савенкову, А. С. Еленеву, Н. М. Мартьянову, П. С. Просурякову, а также Енисейскому, Канскому, Ачинскому, Минусинскому исправникам³.

Ответы не заставили себя ждать. На письма исправно ответили. Енисейский окружной исправник рапортовал: «по собран-

ным мною сведениям 1, 2 и 4 участки Енисейского округа, сведений которые могли бы быть внесены в вопросный листок от ИМАО по этим участкам не имеется»⁴.

Канский окружной исправник сообщал: «имею честь представить Вашему Превосходительству один экземпляр списка вопросов с надлежащими по нему ответами, о доисторических древностях по 3-му участку вверенного мне округа; в других же местностях округа, никаких древностей не имеется»⁵.

Видимо, не для всех распоряжение начальства было просто бумагой, на которую следовало отвечать, у некоторых был интерес и желание. Так, Ачинский окружной исправник А. Петров пишет, что «по собранным сведениям на землях Кизильской степной думы находится много памятников древности, каменные бабы и письма на скалах, но по случаю зимнего времени и снежных заносов в настоящее время невозможно сделать с них снимков, к чему можно будет приступить с наступлением теплого времени, по осушке местности после таяния снегов, почему мною вместе с сим поручаю Земскому заседателю 3 участка, с наступлением благоприятного времени, приступить к собиранию, согласно вопросных листов ИМАО, требуемых сведений о древностях, что же касается до других местностей Ачинского округа, то никаких древностей нет»⁶. Отвечая на вопросы ИМАО, А. Петров продолжал: «...от Сулековского степного улуса, расстоянии примерно около 2 верст, имеется скала... с разными изображениями, список которых пришлось переложить на особой бумаге»⁷.

Анализ приведенных данных показывает, что ставка на окружных исправников как информаторов не могла дать того результата, которого ожидали получить в ИАК и ИМАО. Важно отметить, что сбор сведений пытались осуществить без финансовых затрат, используя высшее губернское начальство и энтузиазм археологов-любителей.

Все же доведенная до сведения местного начальства информация об археологических памятниках, не оставалась совсем без внимания. Особенно активно откликнулась

⁴ Там же. Л. 13.

⁵ Там же. Л. 18.

⁶ Там же. Л. 8.

⁷ Там же. Л. 23–26.

² ГАКК. Ф. 31. Оп. 1. Д. 112. Л. 3.

³ Там же. Л. 2–7.

енисейская губернская администрация на постановление от 15 июня 1889 г. за № 624, где ИАК сообщала губернатору, чтобы он довел до сведения окружных исправников, что «исключительное право производства и разрешения, с археологической целью, раскопок в империи, на землях, принадлежащих разным установлениям и общественных – предоставить ИАК... Открытые при раскопках ценные вещи и особо важные в научном отношении предметы должны быть присланы в... Комиссию, для представления на высочайшее воззрение»⁸. Кроме этого, в губернское правление были направлены образцы Открытых листов, выдаваемых ИАК, для рассылки окружным исправникам, чтобы «лица, не имеющие этих листов, не были допустимы к археологическим раскопам»⁹. Почти одновременно с этим сообщением пришло известие о выдаче Открытого листа профессору Императорского Александровского университета И. Р. Аспелину и, следом, на имя доктора А. Гейкеля¹⁰.

К помощи полиции прибегали и для выяснения судьбы частных археологических коллекций. В 1889 г. ИАК через енисейского губернатора направила письмо следующего содержания: «В течение 1867–1870 годов И. Александров производил археологические раскопки в окрестностях г. Красноярска и других местах Енисейской губернии и успел составить довольно значительную коллекцию бронзовых, железных и глиняных изделий, найденных им при этих раскопках... считаем должным обратиться... с покорнейшей просьбой приказать собрать сведения о том, куда поступила означенная коллекция после смерти Александрова»¹¹. Распоряжение получил красноярский полицмейстер, им было проведено дознание. Из рапорта следует, что оставшееся после Александрова движимое имущество, включая незначительную и малоценную коллекцию древностей, продавалось в Енисейском губернском правлении в 1873 или 1874 г. с аукционного торга. Несколько вещей, по словам служителя банка Г. Шепетовского,

были отправлены Александровым в Академию наук¹².

Двадцать седьмого ноября 1896 г. до сведения губернаторов доводится Циркуляр МВД за № 25 о безусловном воспрещении всякого рода раскопок, кладоискательства и о мерах к сохранению памятников древности. Используя этот документ, в 1898 г. ИАК предлагает создать при МВД особую комиссию с целью выработки проекта Положения об охране памятников, в котором предусматривалось образовать при губернских статистических комитетах специальные отделения по составлению свода памятников, в том числе археологических. Проект не получил должной поддержки. Этим воспользовались высшие губернские чиновники, которые занялись раскопками. Так, в 1901 г. раскопками курганов в окрестностях г. Красноярска занимается вице-губернатор В. П. Урусов [1902].

В 1898 г. председатель ИАК представил Министру внутренних дел краткий обзор мер по сохранению отечественных древностей и проект создания отделений по составлению свода памятников и их охране при губернских статкомитетах, но проект отклонили.

В свою очередь МВД попыталось разрешить проблему составления перечня древностей, подлежащих охране, путем издания циркуляра, но ввиду отсутствия квалифицированных специалистов на местах данное распоряжение также не принесло ощутимых результатов и не улучшило состояние дела охраны памятников.

Документы, распространяемые по ведомству МВД, иногда достигали цели, и полицейские власти фиксировали археологические находки и сообщали не только вышестоящему начальству, а также научному сообществу, например в музеи. В 1899 г. полицейский сотник Данил Лопатин составил акт о раскопках в с. Знаменка Минусинского уезда Енисейской губернии. Во время земляных работ под каменными плитами было найдено погребение. Полицейский, наблюдавший за раскопками ямы, «постановил: продолжение означенной могилы приостановить и человеческие кости засыпать землей в той же могиле, о чем и записано в настоящем акте», к акту прилагались рисунки «хранилища», каменного изваяния,

⁸ ГАКК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 3280. Л. 91.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. Л. 93, 95, 124.

¹¹ Там же. Л. 63, 64.

¹² Там же. Л. 74.

которое перекрывало могилу и прорисовка личин с изваяния. Возможно, рисунки сделаны этим полицейским? О находке было сообщено Н. М. Мартянову в Минусинский музей¹³.

В 1899 г. губернатор М. А. Плец сообщил в ИАК о находках в Айдашинской пещере. Эти сведения были доставлены Ачинским уездным исправником, который подробно выяснил обстоятельства находки, сделал опись и изъясил все представленные ему предметы¹⁴.

И. В. Чернова справедливо отмечает, что в среде чиновников полиции было немало просвещенных, общественно активных, порядочных людей [2002. С. 13]. Нередко полицейские чины передавали обнаруженные археологические предметы в местные музеи.

Тарский окружной исправник доставил в Тобольский губернский музей 4 серебряных сосуда, 2 слитка серебра и 20 бухарских монет, которые были найдены крестьянкой деревни Терехово Логиновской волости [Тихонов, 2006. С. 10]. Первые сведения о городище на Барсовой горе были получены от бывшего Березовского исправника К. А. Попова.

В 1910 г. пристав 1 стана Ачинского уезда направил енисейскому губернатору сведения о найденных крестьянином Евтихеем Фунтиковым разных древних вещах. При этом сообщает, что вещи хранятся в архиве Ачинского уездного полицейского управления¹⁵.

Как мы видим, полицейские чины не только по долгу службы интересовались древностями. Нередко материалы, собранные сотрудниками МВД, являются важным источником, который впервые был использован попечителем Западно-Сибирского учебного округа профессором В. М. Флоренским, организатором музея археологии при Томском университете. Многие полицейские чиновники, в том числе томский полицмейстер М. А. Архангельский, горный исправник Л. Н. Некрасов и другие передали значительные коллекции в музей [Ожередов, 2008; Чернова, 2002].

Не менее примечательна страница, связанная с деятельностью В. М. Флоренского [1889]. Для нас представляет интерес параграф «Сведения о курганах Томской губер-

нии по донесениям окружных начальников». В. М. Флоренский пишет: «Помещенное здесь топографическое описание курганов Томской губернии взято мною из дела Томского Общего губернского управления... Сведения эти, собранные земскими начальниками вследствие предписания генерал-губернатора Западной Сибири, данного в 1880 году, были доставлены в Канцелярию Томского губернатора в 1883 году. Не предвещая вопрос, в какой степени они могут быть признаны точными в частностях исчисления и измерения, я, тем не менее, не вижу повода сомневаться в их правдивости в общих чертах. Во всяком случае, ознакомление с этим материалом может принести археологам немаловажную пользу, давая общее понятие о той громадной массе курганов, преимущественно в южных округах Западной Сибири, и, указывая на те топографические пункты, где их может встретить путешественник, интересующийся этим предметом. Из всех округов Томской губернии наиболее подробные сведения доставлены Барнаульским окружным исправником». Далее В. М. Флоренский сообщает, как собирались сведения: «по официальному предписанию, данному земским заседателям и волостным правлениям, в селах и деревнях собирались крестьянские сходы и здесь, по указанию крестьян, записывались данные о местах нахождения, числе и о приблизительной величине курганов, по каждой волости и деревне отдельно» [1889. С. 48–49]. По Бийскому, Каинскому, Кузнецкому, Томскому и Мариинскому округам получены лишь отрывочные данные, либо общие отписки исправников.

В 1904 г. была создана Особая комиссия при МВД по пересмотру действующих постановлений по охране древних памятников и зданий. В ходе работы комиссии были выработаны основные положения, которые были разосланы в июле 1905 г. с целью сообщить компетентным в этом деле правительственным и общественным учреждениям и просить их высказать свое мнение. Например, такое письмо было отправлено в Минусинский музей, который по замыслу Комиссии, должен был стать «окружным охранительным органом» «губерний Южной Сибири»¹⁶.

¹³ Акт от 21 июня 1899 г. о раскопках погребения в с. Знаменка. 1899 г. 2 л. // АММ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 617.

¹⁴ РА ИИМК. Ф. 1. 1899. Д. 43. Л. 12.

¹⁵ ГАКК. Ф. 217. Оп. 1. Д. 52. Л. 3.

¹⁶ АММ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 130.

Для разработки законопроекта были использованы предложения МАО и ряд положений, принятых Археологическими съездами. К концу 1909 г. основные положения и финансовые вопросы были решены. Но только 29 октября 1911 г. МВД передало проект в Государственную думу и 7 ноября он был оглашен на заседании Думы.

В рамках проведения реформ П. А. Столыпина было подготовлено «Положение об охране древностей», согласно которому при МВД должны быть организованы центральные и окружные Археологические комитеты. Полномочия Центрального и окружных комитетов приравнивалось к компетенции ИАК, так как исключительные права Археологической комиссии отменялись. Этим положением предполагалось финансирование деятельности комитетов, в том числе на местах. Средства на содержание одного специалиста в провинции равнялись 1 500 руб. в год, а всего на округ предполагалось ежегодно выделять 122 тыс. руб.

Не обошло положение и наказание за «умышленное повреждение древностей». В этом случае, «виновные в истреблении или повреждении подвергаются заключению в тюрьме на время от 8-ми месяцев до одного года и 4-х месяцев, сверх того, денежному взысканию в размере стоимости истребленного или поврежденного предмета». Также запрещался вывоз древностей за границу, в случае если древности каким-то образом вывозились, за отказ возвращения их в Россию виновный мог быть наказан тюремным заключением сроком от 4 до 8 месяцев, с последующим возмещением двойной стоимости предметов. В случае несанкционированных раскопок, виновный подвергается заключению сроком не более 3 недель, а закрытие случайно найденных предметов срок заключения мог достигать 4–8 мес.

Обсуждение в Думе затянулось до начала Первой мировой войны, и вновь, как в 1904 г., война внесла свои коррективы, вопрос об охране памятников стал неактуальным. Вместе с тем именно военные действия, массовое уничтожение памятников истории и культуры, заставили правительство вернуться к этому вопросу. В апреле 1916 г. МВД обратилось в Государственную Думу о возвращении законопроекта для разработки.

Таким образом, негативное отношение к полиции в области сохранения и изучения археологического наследия Сибири требует корректировки. Циркуляры Министерства 1860–1890-х гг. сыграли свою положительную роль по ограничению кладоискательства, организации контроля за археологическими памятниками, содействовали регистрации и охране древностей. Значение всех этих мер представляется особенно важным, если учесть отсутствие единого законодательства по охране древностей в России в тот период.

Мы можем утверждать, что полицейские чиновники внесли свой вклад не только в пополнения фондов музеев, сохранив для науки многие археологические коллекции, но и провели значительную работу по выявлению археологических памятников. Данные, полученные в ходе их описания (многие из них до сих пор не введены в научный оборот), могут быть использованы как важный источник для составления археологических карт отдельных регионов и для выявления археологических памятников.

Список литературы

Археологические поиски по Абакану и верховьям Енисея // ЖМВД. 1847. Ч. 2. № 17. С. 294–297.

Бердинских В. А. Археология и кладоискательство в Вятском крае XIX века (по материалам Вятского статистического комитета) // РА. 1992. № 2. С. 221–225.

Григорьев В. В. Объяснение древней монгольской надписи, найденной в В. С. // ЖМВД. 1846. Ч. 16. № 10. С. 126–149.

Древности. Труды ИМАО. М., 1886. Т. 11, вып. 1. С. 13–19.

Дэвлет М. А. Очерк комплектования, изучения и экспонирования археологических коллекций Минусинского музея (1877–1917) // Очерки истории музейного дела в СССР. М., 1963. Вып. 5. С. 327–372.

Ожередов Ю. И. Музей археологии и этнографии Сибири им. В. М. Флоринского Томского государственного университета: 125 служения // Культуры и народы Северной Азии и сопредельных территорий в контексте междисциплинарного изучения: Сб. ст. Музея археологии и этнографии Сибири им. В. М. Флоринского. Томск: Изд-во ТГУ, 2008. Вып. 2. С. 21–38.

Разгон А. М. Охрана исторических памятников в дореволюционной России (1861–1917) // История музейного дела в СССР // Тр. НИИ музееведения. М., 1957. Вып. 1 С. 73–128.

Сунчугашев Я. И., Янгулова Г. А. Памятники истории и культуры Хакасии. Абакан, 1974.

Тихонов С. С. Западносибирские музеи и развитие сибирской археологии в конце XIX века // Труды по археологии и этнографии ОГИК музея. Омск: ОГИК музей, 2006. С. 5–12.

Урусов В. П. Раскопки курганов Енисейской губернии Красноярского уезда. М., 1902.

Флоренский В. М. Топографические сведения о курганах Западной Сибири // Изв. Императорского Томского университета за 1888/9 год. Томск, 1889. Отд. оттиск.

Формозов А. А. Археология на страницах «Журнала Министерства внутренних дел» 1830–1860 гг. // Санкт-Петербург и отечественная археология: Историографические очерки. Труды семинара по истории и историографии археологической науки. СПб., 1995. Вып. 1. С. 28–35.

Чернова И. В. О поступлении коллекции М. В. Миловзорова в Музей археологии и этнографии Сибири ТГУ // Тр. Музея археологии и этнографии Сибири им. В. М. Флоренского Томского государственного университета. Томск: Изд-во ТГУ, 2002. Т. 1. С. 13–18.

Материал поступил в редколлегию 05.07.2011

A. S. Vdovin, S. V. Kolontsov

**«POLICE» ARCHAEOLOGY (ON THE SIBERIAN MATERIAL
SECOND HALF OF THE XIX – EARLY XX CENTURIES)**

This article highlights the actions of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Empire in conserving the archaeological heritage of Siberia and its participation in implementing instructions of the Imperial Archaeological Commission; as well as forming a system for protecting archaeological sites in the latter half of the 1800^s and early 1900^s. The functions of the Ministry in aforementioned period did not consist only in those of supervision. Police officials have contributed to replenishing museum funds and preserved multiple archaeological collections for future study. They have also conducted significant work in identifying archaeological sites. The data obtained in the process of describing archaeological sites (many of them have still not been scientifically studied) can be used as an important source for compiling archaeological maps of separate regions and identifying archaeological sites.

Keywords: the Ministry of Internal Affairs, circulars of for the Protection of Antiquities, the Imperial Archaeological Commission, conserving the archaeological heritage, Siberian antiquities.